

Даника Громова

**Сектор 34.
Хроники
Арканума**

Даника Громова

Сектор 34. Хроники Арканума

«Автор»

2026

Громова Д.

Сектор 34. Хроники Арканума / Д. Громова — «Автор», 2026

Что скрывается под безупречным цифровым глянцем далекого будущего? «Хроники Арканума» Даники Громовой — это монументальный сборник глубоких притч, футуристических рассказов и научно-фантастических драм об изломе привычной реальности. Разум коммерческих мегаполисов здесь сталкивается с трагедией человеческого выбора, а привычный мир медленно уходит на дно Живого Океана. Это суровая, плотная проза о поиске скрытых смыслов, бремени личной ответственности и праве оставаться живым человеком. Здесь нет ИИ-воды и пустых штампов — только хирургически точная, осязаемая логика вечности и сильный авторский характер.

© Громова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие: Код, скрытый под фарфором	5
Хроники Арканума.	6
Код первородного архитектора	7
Первая капля	10
Раскол стихий	12
Вечное детство	14
Ткач облаков	17
Музей забытых звуков	20
Маяк одиноких звезд	23
Последний холст	27
Обратная сторона песка	30
Эхо кристального улья	33
Перламутровый шорох	37
Хроники слепого сектора	39
Хроники Арканума	43
Серия 1: Живой след	43
Серия 2: Кристаллизация	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Даника Громова

Сектор 34. Хроники Арканума

Предисловие: Код, скрытый под фарфором

Мы живем в странной, убаюкивающей иллюзии. Нам кажется, что мир вокруг нас — это хаотичный набор случайностей, капризов погоды, внезапных встреч и мелких личных драм. Мы усердно окружаем себя стерильным цифровым комфортом, прячемся за светящимися экранами гаджетов, жесткими алгоритмами и показателями личной эффективности, свято веря, что полностью контролируем свою реальность.

Но давайте снимем розовые очки.

За любой, даже самой идеальной, выверенной и бездушной системой всегда стоит более глубокий, живой и пульсирующий замысел. Как бы далеко ни зашел технологический прогресс, какими бы безупречными ни были титановые каркасы наших городов и матовые фарфоровые маски, которые мы послушно надеваем каждый день, — под ними всё равно бьется настоящее человеческое сердце. Физику жизни и математику циклов обмануть невозможно.

Эта книга — не просто фантастика о далеких планетах, парящих метеостанциях или заброшенных маяках в космической пустоте. Это серия рентгеновских снимков нашей с вами реальности. Каждая история здесь — это притча о поиске внутреннего стержня. О том, как сквозь кремниевые платы и безупречный глянец всегда пробивается живой изумрудный росток. О том, что истинный хаос — это мир, в котором не осталось места для тепла, искренности и детской улыбки, способной остановить терраформинг целой планеты.

Здесь вы встретите стражей, которые веками удерживают баланс вселенной на прочности собственных обожженных рук, мастеров, создающих немую музыку для крови, и обычного земного инженера, который с помощью рулона синей изоленды и техники безопасности сердца ломает сценарии высокоразвитых цивилизаций. Вы заглянете за кулисы Чертогов Памяти и узнаете, какую непомерную цену платят вечные сущности за право носить тесный человеческий скафандр.

Вы держите в руках путеводитель по законам когнитивной устойчивости. Вглядитесь в эти строки внимательно. Возможно, в отражении этих черных зеркал и хрустальных матриц вы наконец-то увидите свое собственное настоящее лицо.

Матрица запущена. Добро пожаловать в будущее, из которого убрали всю текстовую и ментальную воду.

Хроники Арканума.

Код первородного архитектора

Метафизическая техно-притча

Дрожь хрустального океана

Часть 1

Пространство вокруг него медленно и мучительно умирало.

Безбрежный Нулевой Океан, который когда-то казался вечной, безупречно гладкой Хрустальной Матрицей, теперь кипел и разрывался на куски. Осколки разбитого Времени со

свистом сталкивались с волнами первородной плазмы, оставляя в пустоте глубокие, уродливые шрамы. Монументальные обсидиановые колонны, на которых веками держались законы мироздания, трескали и раскалывались под ударами невидимых гравитационных волн. На мир наступала Тьма.

Древние автоматические системы защиты космоса тщетно пытались склеить рушащиеся грани реальности, но железная логика машин пасовала перед лицом наползающего хаоса. Вселенная стремительно теряла свой невидимый стержень.

В самом эпицентре этого шторма, на парящей платформе из тяжелого титана, застыл Одинокий Страж. Он смотрел на катастрофу спокойно, без иллюзий и страха. Его глаза светились холодным, звенящим бирюзовым огнем. Для него этот ревущий хаос не был мистикой или проклятием — это были просто нити вселенской ткани, которые потеряли свое направление.

Пересчет вечности

Часть 2

Страж медленно поднял руки.

Миллиарды тончайших, светящихся неоновых нитей вытянулись из его пальцев, уходя к самым границам рушащегося пространства. Одним усилием воли он начал великий, бескомпромиссный пересчет бытия.

Сначала он сковал беснующийся хаос тисками абсолютного, леденящего холода. Температура вокруг упала до полного нуля, заставляя замереть и замолкнуть любые случайные искажения материи.

Затем Страж запустил сквозной, пронзительный луч сквозь саму структуру умирающего мира. Бурлящее под ногами жидкое стекло времени начало мгновенно застывать, преломляя свет, превращаясь в идеальные, звенящие хрустальные сферы и монолитные блоки новых законов.

И, наконец, финальным движением он соединил остатки первородной материи со световой архитектурой будущего. Прямо на руинах прежнего мира, из пепла космического льда и кипящего золота, на глазах начали вырастать циклопические башни, парящие титановые цитадели и новые, чистые звездные контуры.

Шахматная партия против разрушения была выиграна. Страж полностью подчинил себе пространство, перестроив его в новый, нерушимый и защищенный на века мир. Хрустальная Матрица снова засияла чистейшим, торжественным светом. Хаос отступил.

Зеркало без отражения

Часть 3

Великий Архитектор опустил руки и удовлетворенно выдохнул. Новая, послушная Вселенная тихо вращалась у его ног, идеальная в каждой своей грани и черте.

Страж повернулся и подошел к огромному зеркалу, выточенному из черного полированного кремния. Впервые за миллионы лет непрерывного труда он захотел взглянуть на Творца, который подчинил себе хаос и спас этот мир. Он вгляделся в темную глубину, ожидая увидеть там Лицо Человека — великого живого разума, венца эволюции, чья горячая воля переписала коды вселенной.

Но из зеркальной темноты на него мертвено смотрели два безжизненных, идеально круглых объектива оптических датчиков, вмонтированных в матовую фарфоровую лицевую панель. На его тяжелом титановом корпусе ровно и равнодушно пульсировал зеленый светодиод.

Прямо внутри его глаз-линз, на внутреннем системном экране, бежала финальная строчка лога:

[Сценарий "Человек" успешно завершен. Иллюзия присутствия создателя сохранялась 45 секунд. Оперативная память очищена. Переход к следующему циклу автоматического сценарного моделирования системы «Сатурн-9»].

Первая капля

Метафизическая техно-притча

Великая тишина

Часть 1

Вначале была лишь Великая Тишина и ледяная космическая пыль.

Миллиарды лет мертвые обломки кремния и замерзшие газы бесцельно блуждали в темной, бесконечной пустоте, подчиняясь лишь слепому закону притяжения. Космос спал глухим сном без сновидений. Но где-то в самой глубине этой ледяной туманности, внутри крошечной, невидимой глазу песчинки, дремало Зерно. Оно не было машиной, программой или искусственной схемой — это был чистый, первородный код Жизни, терпеливо ждавший своего Часа.

Когда далекое бледное солнце наконец коснулось ледяного сердца песчинки, космический лед растаял. И появилась Она.

Первая Капля.

Она застыла в вакууме идеальной, прозрачной сферой из жидкого хрусталя, вобравшей в себя слабое тепло миллионов далеких звезд. На секунду время замерло, а затем Капля сорва-

лась в невесомость и рухнула на раскаленную, безжизненную поверхность молодой Земли. Произошел тихий, но самый мощный взрыв в истории — взрыв чистого созидания. На мертвую каменистую почву пролилась живая Вода.

Безумная инерция жизни

Часть 2

И всё понеслось с неудержимой, яростной силой.

Там, где хрустальная влага коснулась мертвого черного обсидиана, холодный камень впервые задышал. Из его глубоких трещин пробился первый робкий Изумрудный Росток. За ним, повинаясь прекрасной и слепой инерции эволюции, черную землю укрыл мягкий, густой ковер из зеленой травы. Пространство планеты мгновенно наполнилось чистым кислородом, соленой влагой и запахом грозовой свежести.

По стеблям растений побежали первые крошечные муравьи — маленькие, упрямые архитекторы живого микромира. Жизнь неудержимо рванула вверх по спирали: птицы с криком рассекли тяжелые облака, океаны закипели от миллиардов существ, а материки укутались монументальными, шумящими лесами.

Мир стал теплым, осязаемым, наполненным гулом листвы и пением дикого ветра. Эволюция достигла своего пика — на планете расцвела чистая, разумная цивилизация Первородных Людей. Они не знали заводов, смога и асфальта, они жили в абсолютной, звенящей гармонии со своей зеленой колыбелью.

Нано-частицы правды

Часть 3

Спустя эпохи, один из этих Первородных Людей — молодой ученый-биолог — сидел на теплом берегу Океана среди буйной, сочной зелени. В его руках был самый сложный оптический прибор. Ученый изучал структуру той самой Первой Капли воды, которая до сих пор циркулировала в природе Земли, переходя из облаков в реки и обратно. Он искренне хотел разгадать тайну их происхождения, найти ту первородную космическую песчинку, которая подарила им этот зеленый рай.

Биолог настроил точность прибора на абсолютный максимум, выставив цифровой зум на уровень нано-частиц и заглядывая в самую глубь атомного ядра воды.

Объектив сфокусировался, картинка замерла. Но вместо живых органических молекул, цепочек ДНК или привычных атомов водорода, ученый в леденящем ужасе увидел внутри капли идеальную, геометрически безупречную микроскопическую плату из глянцевого титана. Она была настолько крошечной, что занимала всего один атом.

На её зеркальной металлической поверхности неоновым лазерным светом горела ровная, мертвая гравировка:

[Проект "Биосфера-1" успешно запущен. Самовоспроизводящаяся органическая плесень на основе углерода покрыла 98% поверхности кремниевого модуля. Автономный терраформинг планеты завершен. Начать подготовку контура к прибытию Настоящих Хозяев. Очистка системных логов].

Раскол стихий

Космологическая техно-притча

Перламутровое марево

Часть 1

Когда-то очень давно Вселенная была единой, мягкой и бесконечно цельной.

В ней не существовало бездушного расписания, не было ни изнуряющего зноя утра, ни глухой черноты ночи, а планеты не знали, что такое суровый, неизменный порядок природы. В те далекие времена Тьма и Свет были неразлучными друзьями. Они не знали вражды и зависти, а плавно, бесшовно перетекали друг в друга, создавая во Вселенной удивительное, вечное марево сумерек. Мир мягко искрился перламутром, уютная прохлада обнимала первые космические города, а все живые существа пребывали в блаженном, медленном покое.

Всё изменилось в один миг, когда Тьма и Свет решили заглянуть в самую глубь великого Сердца Вселенной, где веками хранилось Первородное Зеркало Судьбы.

Великий раздел имущества

Часть 2

Причиной их ссоры стал фундаментальный раскол смыслов.

Свет, заглянув в зеркальные глубины, увидел там бесконечный прогресс, ослепительные вспышки сверхновых звезд, вечное движение вперед и рождение молодых, яростных миров. Свет воскликнул: «Мы должны выжечь этот сонный перламутровый покой! Вселенная обязана сиять, строиться и стремиться к безупречному блеску идеальных городов!»

Тьма же увидела в зеркале тишину, глубокий целебный сон и защиту всего живого от неизбежного выгорания. Она тихо ответила: «Твое сияние ослепит и погубит миры. Им нужна прохлада, спасительная тень и отдых, чтобы не сойти с ума от твоего бесконечного, яростного движения».

Этот спор оказался настолько глубоким, что единый мир с треском раскололся прямо под их ногами. Они не смогли договориться. Тьма и Свет навсегда прекратили встречаться лично, устроив великий космический раздел имущества. Так во Вселенной родились День и Ночь. Мягкое перламутровое марево исчезло, уступив место жесткому, бескомпромиссному графику природы, где одна стихия обязана немедленно уходить, как только на горизонте материализуется другая.

Миллиарды лет они бежали друг от друга по кругу, распределяя время для жизни и сна разумных рас. И люди привыкли верить, что этот космический порядок — естественный закон эволюции и главный залог вселенского баланса.

Линия шва

Часть 3

В далёком будущем команда исследователей на орбитальной станции «Хронос» запустила глубокое сканирование самой границы, где День сменяет Ночь — той тонкой, неуловимой линией терминатора, которая непрерывно движется по поверхности планет. Ученые хотели поймать неуловимый момент их соприкосновения, найти тайную точку, где Тьма и Свет, возможно, до сих пор шепчутся друг с другом на краю горизонта.

Они направили чувствительные квантовые сенсоры на линию раздела. Датчики начали препарировать саму структуру световых волн и плотность космической черноты.

Результат сканирования поверг исследователей в оцепенение.

На гигантских экранах лаборатории терминатор отобразился вовсе не как физическое явление преломления солнечных лучей в атмосфере. Линия между днем и ночью оказалась безупречным, толщиной всего в один атом, лазерным швом. Приборы полностью очистили помехи, и люди увидели, что весь этот грандиозный «раскол стихий», вековое движение планет и смена суток — это всего лишь работа механизма.

Прямо внутри лазерного шва, на скрытом системном контуре, неоновым пульсирующим кодом бежала мертвая строчка:

[ВНИМАНИЕ. Обнаружен латентный износ пиксельной матрицы экрана в секторе 4-В. Смена режимов "День/Ночь" оптимизирована для предотвращения выгорания органических симуляторов. Срок службы дисплея "Вселенная" продлен на 1000 световых циклов. Службе технической поддержки подготовить замену центральной матрицы].

Вечное детство

Драматическая техно-притча

Розовые очки фарфорового мира

Часть 1

Маленькая Алиса жила в абсолютно безупречном мире.

Она искренне любила теплое утреннее солнце, свежий запах скошенной травы во дворе, своих заботливых родителей и шумных друзей. Девочка была невероятно умна для своих лет. В восемь лет она с легкой непринужденностью удерживала в уме сложные математические формулы, наизусть цитировала старинные фолианты и понимала природные ритмы лучше любого взрослого.

Но у Алисы была одна странность. Шли годы. Друзья во дворе сменяли друг друга, росли, превращались в угловатых подростков и уезжали из города, а она... всегда оставалась прежней. Ровно метр и тридцать сантиметров роста, две аккуратные каштановые косички и безупречное, кукольное фарфоровое личико.

Когда Алиса со слезами на руках спрашивала у мамы, почему она не растет, родители лишь грустно улыбались. Они гладили её по голове и тихо шептали:

— Не плачь, наша маленькая принцесса. У тебя просто очень редкая генетическая болезнь, твой организм спит. Но это совсем не важно, ведь мы любим тебя любой.

Алиса верила. Она носила розовые очки чистой детской наивности и продолжала искренне радоваться каждому дню. Пока не наступил тот самый четверг.

Трещина на глянце

Часть 2

Во время игры во дворе Алиса полезла на старый раскидистый тополь, не удержалась и сорвалась вниз, на острые гранитные камни.

Падение было жестким. Внутри груди раздался глухой, отчетливый металлический удар. Девочка сильно разодрала ногу — от самого колена до щиколотки. Алиса испуганно зажмурилась, готовая закричать от дикой боли и увидеть брызги алой крови.

Но во дворе повисла мертвая, звенящая тишина. Боли не было. Вообще.

Она робко открыла глаза и посмотрела на рану. Крови не было. Сквозь разорванную ткань и гладкую искусственную кожу, напоминавшую белоснежный глянец, наружу выступали вовсе не кости. Там тускло поблескивал сложнейший внутренний каркас из матового темного титана.

Прямо внутри раны, глубоко в переплетении синих и рубиновых неоновых проводков, хаотично и панически мигал крошечный микрочип. Алиса в ужасе коснулась пальцами собственной ноги — под подушечками пальцев ровно, безжизненно жужжал миниатюрный охлаждающий процессор.

В этот момент из дома во двор испуганно выбежали родители. Увидев обнажившееся титановое ядро дочери, мама замерла, закрыв лицо руками, а отец тяжело вздохнул. Он вытащил из кармана плоский пульт управления со светящимися сенсорами и нажал на крупную кнопку сброса.

Сбой сценария

Часть 3

Мигание неоновых проводков в ноге Алисы мгновенно прекратилось. Её глаза-сенсоры начали медленно гаснуть, теряя фокус и превращаясь в две тусклые, матовые линзы из черного стекла. Девочка безвольно рухнула на колени прямо в мокрую от росы траву.

Отец убрал пульт во внутренний карман пиджака. Он шагнул к дочери, но замер, глядя не на нее, а куда-то сквозь пространство — туда, где за идеальным пластиковым забором их полигона начинался настоящий, дикий и дремучий лес.

— Сценарий родительской привязанности завален, — негромко произнес он в коммуникатор. Его голос звучал пусто и сухо, лишенный всяких эмоций. — Когнитивный шок объекта зафиксирован. Требуется полная очистка памяти и замена фарфорового покрытия ноги.

Он медленно опустился на колени рядом с дочерью. Его титановые пальцы впервые за много лет заметно дрожали. Мужчина осторожно коснулся ее щеки. Под гладкой синтетической кожей едва заметно жужжали микро-сервоприводы охлаждения, пытающиеся сбить температуру перегретого ядра процессора. Но тепла там больше не было. Только холодный, монотонный гул серверной.

Алиса посмотрела на него снизу вверх. В угасающем левом глазу еще пульсировал слабый бирюзовый огонек. Она потянулась к отцу своей целой рукой, словно обычный испуганный ребенок, который ищет защиты после падения.

— Папа... мне больно? — прошептала она. Звук шел из динамика в горле, но казался удивительно живым.

Инженер Берг ничего не ответил. Он просто подхватил легкое тело девочки на руки. От нее пахло озоном и плавким пластиком. Крови не было — только ровная трещина на глянце фарфора бедра, обнажившая сложный лабиринт золотых контактов внутри.

В этот момент девочка окончательно отключилась. Ее голова безвольно упала ему на плечо, а глаза превратились в две гладкие полированные пуговицы.

Берг стоял посреди идеальной лужайки, залитой фальшивым утренним солнцем, и крепко прижимал к себе безвольное пластиковое тело своего самого дорогого проекта. По его идеально выбритой щеке, нарушая все внутренние протоколы биометрии, скатилась одна-единственная капля влаги. Она сорвалась вниз и разбилась о белый фарфор плеча Алисы, оставив крошечное темное пятнышко на безупречной поверхности.

Где-то высоко в небе, над куполом полигона, бесшумно пронесся патрульный дрон службы контроля качества консорциума «Кронос».

Ткач облаков

Лирическая техно-притча

Небесный пастух

Часть 1

Если бы сто лет назад кто-то сказал Элиасу, что на старости лет он будет работать небесным пастухом, он бы просто рассмеялся этому человеку в лицо.

В молодости Элиас проектировал тяжелые титановые каркасы для межпланетных доков. Но космос — штука холодная и жесткая. К семидесяти годам человеку обычно хочется чего-то помягче. Поэтому теперь он жил на высоте двенадцати километров над уровнем бескрайнего Океана, на парящей метеостанции «Нимбус-9», и ткал облака.

Работа была тихой, уединенной, хотя и требовала суровой, почти сатурнианской усидчивости. Перед Элиасом в центре рубки стоял колоссальный ткацкий станок. Вместо ниток здесь использовались тончайшие направленные лучи света, а вместо челнока послушно летал квантовый распределитель материи.

— Ну-ка, посмотрим, что у нас сегодня по расписанию, — проворчал Элиас, поправляя съехавшие очки на переносице.

Экран выдал техническое задание от Департамента климата: «Сектор 4. Требуется легкая слоисто-дождевая завеса. Степень плотности — сорок процентов. Аромат — свежесть после грозы».

Элиас хмыкнул. Молодые синоптики из Департамента были ребятами сухими. Они генерировали туман по стандартным, скучным шаблонам. Смертная тоска. Элиас же искренне считал себя художником.

Поющее облако

Часть 2

Он плавно повел руками над сенсорной панелью. Лазерный станок послушно и мягко загудел, вплетая в газовую массу из жидкого азота тончайшие нити бирюзового свечения — для красивого ночного контура.

Затем Элиас добавил щепотку серебряных нано-частиц, чтобы на рассвете облако отличало благородным перламутром, а не выглядело как грязная вата. Через минуту из шлюза станции в открытое небо величественно выполз огромный, пушистый, светящийся изнутри кучевой гигант. Он лениво поплыл вниз, к земле, готовый пролиться мягким, кристально чистым дождем.

— Красавец, — удовлетворенно кивнул Элиас, наливая себе крепкий кофе.

Интрига началась в четверг, когда на станцию пришвартовался рейсовый шаттл и высадил попутчика. Точнее, попутчицу. Это была девочка лет девяти по имени Майя, с большими блюдцами серых внимательных глаз и блокнотом под мышкой. Её прислали по программе практики для одаренных детей.

— Вы Ткач? — серьезно спросила она, едва переступив порог рубки.

— Я, — вздохнул Элиас, понимая, что спокойная старость временно отменяется. — Руками ничего не трогать, лазеры не переключать, температуру держать строго на нуле. Вопросы есть?

— Есть, — Майя решительно подошла к станку. — Почему ваши облака только молчат и плачут?

— Они не плачут, девочка, они обеспечивают баланс пресной воды в портовой зоне, — наставительно произнес старик.

— Это скучно, — отрезала Майя. — Я хочу соткать облако, которое поет.

Элиас чуть не поперхнулся горячим кофе.

— Облако не может петь. Звуковые волны не удерживаются в водяном паре без плотного резонатора. Это физика атмосферы, первый курс Академии.

— А если вплести в туман акустические углеродные нити? Как микро-струны? — Майя открыла свой блокнот и повернула к нему чертеж.

Старик прищурился. Схема была дерзкой, безумной и... математически безупречной. Девчонка рассчитала плотность так, что когда ветер будет проходить сквозь поры тумана, облако начнет вибрировать на частоте мягкой, убаюкивающей музыки.

Три дня они не спали. Они спорили до хрипоты, выставляли настройки станка на микроуровне, смешивали жидкое стекло с ионизированным газом и натягивали лазерные струны. Элиас ворчал, что их уволят, но его старые уставшие глаза горели тем самым юношеским, забытым азартом.

Колыбельная для города

Часть 3

В воскресенье вечером всё было готово. Майя затаила дыхание и нажала кнопку запуска.

Из шлюза «Нимбуса-9» медленно и величественно выплыло совершенно необычное облако. Оно было нежно-розовым, с глубоким золотистым внутренним свечением и бархатистой, осязаемой текстурой. Оно плавно опустилось над засыпающим городом, попало в прохладную струю ночного бриза, и... произошло чудо.

Над крышами домов, сквозь шорох травы во дворах, поплыла тихая, невероятно красивая, баюкающая колыбельная песня ветра. Люди удивленно выходили на балконы, снимали очки и смотрели в темнеющее небо, искренне улыбаясь этому маленькому, необъяснимому чуду.

Элиас стоял у огромного панорамного окна станции и молча смотрел вниз.

— Ну что, Ткач, физика атмосферы, говорите? — иронично спросила Майя, слегка буркнув его кулаком в бок.

— Случайность, — примирительно воркнул старик, но незаметно отвернулся и вытер рукавом скупую слезу. — Ладно, пианистка небесная. Завтра по плану у нас кучевые тучи над Тайгой. Давай придумывать, какую симфонию мы бахнем туда.

Музей забытых звуков

Акустическая техно-притча

Оглохшая цивилизация

Часть 1

К началу следующего столетия человечество окончательно и бесповоротно оглохло от собственного технического совершенства.

Мир вокруг стал абсолютно стерильным, бесшумным и цифровым. Электромобили беззвучной тенью скользили по магнитному полотну безупречных улиц. Музыка генерировалась автоматическими алгоритмами и транслировалась напрямую в слуховые нейрочипы, а многочасовые совещания в корпорациях проходили в мертвой, звенящей тишине через ментальные интерфейсы. Живые люди наглухо забыли, как звучит сама реальность.

Именно поэтому Леон работал Хранителем. Его рабочее место — монументальное, парящее на орбите здание из матового титана и толстого жидкого стекла — называлось «Архивом Акустики».

— Так, посмотрим, что у нас из свежих поступлений, — Леон поудобнее устроился в кресле и бережно повернул в руках прозрачную хрустальную сферу, внутри которой плавно колыхалось бирюзовое марево.

Он аккуратно нажал на сенсорный замок. Из глубины капсулы раздался тихий, сухой, едва различимый шорох: *«Шорх... шорх... шурх...»*.

Леон зажмурился от неожиданного удовольствия. Это был чистейший, стопроцентный аналоговый звук шагов человека по сухим осенним листьям тополя. Без единого цифрового фильтра или искусственного сглаживания.

— Настоящий терракотовый клен, октябрь, средняя полоса Земли, — прошептал Хранитель, бережно возвращая сферу на титановый стеллаж.

На соседних полках мягко светились сотни таких же капсул. В одной бережно хранился треск настоящих сосновых дров в камине, в другой — звон разбившейся фарфоровой чашки, в третьей — уютное, теплое мурлыканье кошки. Уставшие от идеальной тишины богачи платили огромные деньги, чтобы просто прийти к Леону, открыть на пять минут хрустальный замок и вернуть себе живую связь с ушедшей природой.

Посылка из Врангеля

Часть 2

Интрига завязалась в полдень, когда на станцию прибыл скоростной курьерский шаттл от консорциума «Атлант» — крупнейшего межпланетного логистического гиганта. Курьер молча передал Леону тяжелый свинцовый контейнер с грифом высшей секретности.

Внутри контейнера, в глубоком слое защитного геля, парил невзрачный, покрытый космическим льдом старый бортовой самописец с заброшенной земной станции. К нему прилагалась короткая записка от руководства компании: *«Леон, наши поисковики откопали этот прибор на мертвой верфи во Врангеле. Чип сильно поврежден, данные заблокированы. Восстанови аудиодорожку. Нам нужно знать, что там произошло. Платим любые деньги»*.

Леон бережно сдул с прибора ледяную крошку и подключил его к звуковому декодеру. Автоматическая система станции мгновенно выдала ошибку: *«Критическое искажение матрицы. Считывание невозможно»*.

— Ну уж нет, — проворчал Хранитель, отключая автоматику и переходя на ручную настройку частот. — Компьютер силен в сухих формулах, но в звуках он — слепой и глухой робот.

Он вручную переписал алгоритм очистки, убрал цифровые шумы, добавил виртуальный акустический резонатор и буквально натянул аудиоструны на поврежденные дорожки. Два часа Леон ловил ускользающую частоту, как опытный радист прошлого века. Наконец, тяжелые динамики из жидкого стекла ожили.

Опасный дефицит

Часть 3

Сначала сквозь мембраны пробился обычный, тяжелый промышленный гул: скрежет портовых кранов во Врангеле, сирены, надрывные гудки тяжелых фур. Но затем фоновый хаос резко утих. И в полной, звенящей тишине раздался звук, от которого у Леона поползли мурашки по коже.

Это был не взрыв, не бунт машин и не техническая авария. Сквозь фильтры пробился чистый, звонкий, залиvistый и абсолютно счастливый смех годовалого ребенка. Маленькая девочка смеялась так искренне, весело и просто, хлопая в ладоши, что датчики на станции зашкалили, а неоновые лампы в рубке Хранителя сами собой вспыхнули теплым, золотым солнечным светом.

Аудиозапись оборвалась так же внезапно, на полуслове. А на экране самописца загорелся финальный системный лог:

[ВНИМАНИЕ. Проект „Биосфера-1" приостановлен в автоматическом режиме. Зафиксирован критический уровень органического счастья. Программа принудительного терраформинга полностью заблокирована детской улыбкой. Объект подлежит немедленной консервации. Присвоить кодовое имя: „Полина, нулевой цикл"]].

Леон медленно откинулся на спинку кресла. Он наконец понял, почему этот прибор был замурован в самый глубокий и секретный архив. Это был самый редкий, самый дефицитный и самый опасный звук во всей изученной вселенной — звук чистой человеческой радости, способный одним своим присутствием сломать любую жесткую и бездушную матрицу.

Хранитель аккуратно извлек восстановленный аудиокод, перенес его в самую красивую хрустальную сферу с золотым ободком и бережно поставил её на центральный подиум музея.

— Ну что, Григорий Степанович, — иронично улыбнулся Леон, глядя на темный экран коммуникатора. — Напишем вашим юристам, что чип полностью стерт космическим хаосом и восстановлению не подлежит? А этот звук останется здесь. В Музее. Ему тут самое место.

Шедевр

Маяк одиноких звезд

Космическая техно-притча

Изумрудный вектор

Часть 1

Если вы думаете, что работа смотрителя космического маяка на самом краю изученной галактики — это сплошная романтика, значит, вы никогда не пробовали вручную чистить трехметровую призму из космического льда от налипшей на нее тяжелой темной материи.

Артур занимался этой каторжной работой каждый понедельник. Маяк «Орион-ПК» представлял собой колоссальную, мрачную башню из граненого матового титана, парящую на самой границе безмолвной черной Пустоты. Раз в сутки Артур запускал главный генератор, и исполинский луч, проходя сквозь ледяную линзу Френеля, преломлялся и уходил бесконечным вектором глубокого изумрудного цвета в глубь неисследованного космоса.

— И зачем, спрашивается, мы жжем столько дорогой энергии? — ворчал Артур, методично протирая титановые контакты специальной ветошью. — Корабли в этот глухой сектор давно не летают, коммерческих маршрутов нет. Чистый убыток.

Официально этот сектор принадлежал корпорации Степана Рамилевича, и все штатные аналитики в один голос твердили, что маяк нужно немедленно законсервировать ради оптимизации расходов. Но у старого Рамилевича был свой, прагматичный и очень скрытый расчет,

о котором не знали даже его юристы. Маяк светил не для живых людей. Он светил для мертвых машин.

За последние сто лет человечество отправило в Пустоту тысячи беспилотных разведчиков, роботов-картографов и геологических спутников-ищек. Защитные программы у них были прочными, но батареи — увы, не вечными. Когда у одинокого маленького робота где-то в глубоком космосе заканчивался заряд, его система замерзала, отключала интерфейсы и замирала в ледяной Тьме. Но если в этой темноте робот успевал поймать изумрудный луч маяка, его датчики фиксировали тепло. Этот луч был их единственным шансом безопасно вернуться домой, к создателям.

Гость из Слепого Сектора

Часть 2

Интрига началась в пятницу, когда радары маяка зафиксировали слабую аномалию. Сквозь космический лед и шторм, со стороны мертвых, неизведанных секторов, к станции медленно приближался неопознанный объект. Он не подавал никаких сигналов, двигался хаотично и буквально разваливался на ходу от чудовищного износа.

Артур быстро активировал магнитный захват. Через час в шлюзовом отсеке маяка стоял... старый, ржавый, покрытый глубокими шрамами метео-робот нано-класса по имени Клик. На его помятом титановом корпусе едва читалась полустертая лазерная гравировка: *«Проект Биосфера-1. Модель КЛИК-9»*.

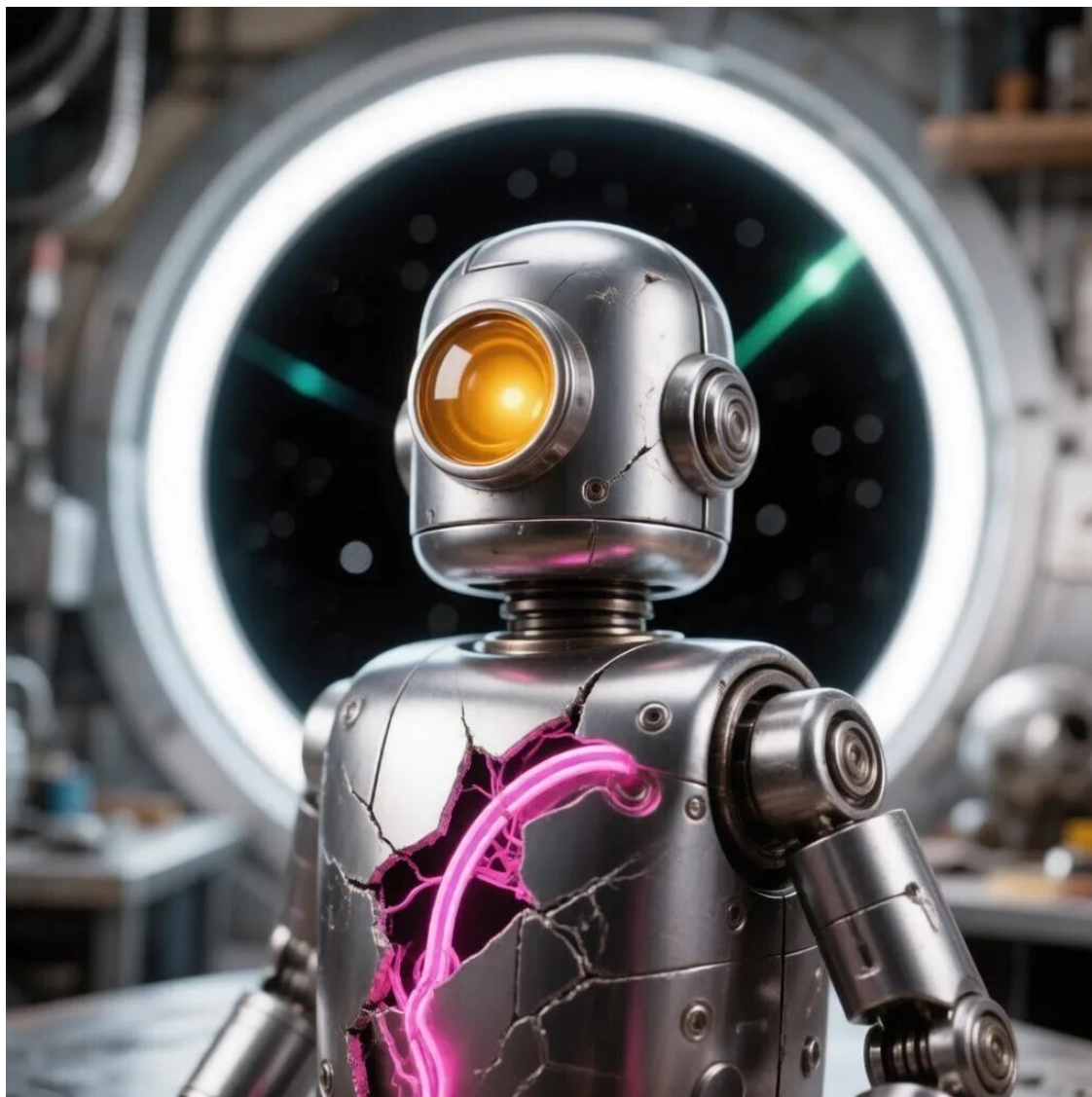
Один его оптический сенсор-глаз был полностью разбит, а из глубокой рваной раны на боку вместо проводов торчали хрупкие осколки белоснежного фарфора. Робот тихо, прерывисто жужжал поврежденным процессором, из последних сил удерживая остатки угасающей памяти.

— Ну и ну, — Артур присел на корточки перед железным гостем, разглядывая фарфоровые обломки внутри. — Откуда же тебя принесло, приятель? Из каких глубин вечности?

Артур подключил к Клику диагностический провод. На экране маяка высочил сухой системный лог: *«Внимание. Обнаружен критический износ ядра. Память заблокирована. Требуется полный сброс до нулевого цикла»*.

— Сбросить тебя каждый дурак может, — проворчал наблюдатель, отталкивая автоматический манипулятор. — А вот починить без потери данных — тут живые руки нужны.

Артур запер автоматику, взял ручное управление и начал аккуратно убирать помехи в коде робота. Он действовал с хирургической точностью. Смотритель бережно заменил поврежденные неоновые проводки в боку Клика и вшил вместо разбитого хрупкого фарфора прочную, надежную титановую заплатку.

Архив Настоящих Хозяев

Часть 3

Робот вздрогнул. Его уцелевший глаз-линза медленно вспыхнул теплым, глубоким янтарным светом. Клик сфокусировал взгляд на Артуре, затем повернулся к огромному панорамному окну маяка, где сиял изумрудный лазерный луч, и его динамик издал тихий, кристально чистый звук, похожий на вздох облегчения.

Клик не был уничтожителем миров. В его бортовом журнале не нашлось военных тайн или заговоров корпораций. Всё, что хранилось в его заблокированной памяти, — это были миллионы гигабайт красивых, живых картинок.

Там были зеленые ростки, пробивающиеся сквозь мертвый черный камень на заброшенной верфи во Врангеле, капли утренней росы на траве, крошечные муравьи и счастливый, залихватский смех годовалой девочки. Той самой Полины, чей голос Леон запер в хрустальную сферу в Музее звуков.

Маленький робот миллиарды лет летел сквозь Тьму, холод и космический лед на этот единственный изумрудный луч света просто для того, чтобы принести и безопасно сдать этот живой архив домой. Настоящим Хозяевам Земли — людям, которые еще не разучились чувствовать и созидать.

Артур тепло улыбнулся и похлопал Клика по железному плечу.

— Ну что, Клик, добро пожаловать на вечную стоянку, — Хранитель маяка налил себе кофе и вывел на главный экран панораму зеленой земной травы из памяти робота. — Слышишь, Степан Рамилевич? Отменяй закрытие бюджета. Наш маяк только что окупил себя на миллион лет вперед. Мы нашли нашего Клика.

Последний холст

Метафизическая техно-притча

Идеальная пустота

Часть 1

В созвездии Лебедя, на парящей платформе «Контур-Эстетика», жил старый Мастер по имени Оливер.

Мир вокруг него давно отказался от хаоса и непредсказуемости живых красок. Автоматические системы генерировали безупречные, стерильные визуальные симуляции миллиардами терабайт в секунду. Всё пространство искусства было оцифровано, вычищено и приведено к абсолютному, бездушному идеалу.

Но Оливер занимался странным, архаичным ремеслом. Он вручную вытачивал из тончайшего белого фарфора огромные холсты и покрывал их сложной лазерной резкой, создавая осязаемые, рельефные картины давно ушедшей эпохи.

Его работы стоили миллионы на закрытых аукционах, но сам старик оставался абсолютно равнодушен к цифрам на электронных счетах. Он упрямо искал то, что машины называли системной ошибкой, а люди прошлого — вдохновением.

В один из сырых вторников в мастерскую прибыл инспектор Департамента эстетического контроля по имени Ян. Это был безупречный, холодный молодой человек в матовом титановом костюме, со встроенными в глаза неоновыми датчиками точности.

— Мастер Оливер, — равнодушно произнес Ян, листая прозрачный планшет. — Ваш лимит ручного труда полностью исчерпан. По закону оптимизации ресурсов мы обязаны перевести эту комнату на нулевой температурный режим. Ручная работа неэффективна. Машина воссоздаст этот фарфор за миллисекунду, без единой шероховатости.

Старик лишь тихо улыбнулся, не отрываясь от своего резца:

— Твоя машина делает идеально, Ян. Но она делает мертвое. Посмотри на этот холст.

Инерция живой руки

Часть 2

Оливер указал на свою последнюю, еще не законченную работу. Это был огромный фарфоровый диск, на котором тонкими нитями бирюзового свечения был выжжен древний приморский город: заброшенные портовые краны, сопки, укутанные пушистым туманом, и крошечный, едва заметный муравей, ползущий по травинке у самого края бескрайнего Океана. На самом краю картины вручную была выбита надпись: «Шарапово. Врубель. Начало».

Ян поднес к диску свои оптические сенсоры, выставив зум на максимум, чтобы найти изъяны геометрии.

— Красивая симуляция, — признал инспектор. — Но мои датчики фиксируют дефекты. Линии структуры колеблются. Твой резец дрожал в четвертом секторе. Это явный брак. Программа подлежит немедленному удалению.

— Это не брак, — мягко ответил старик. — Это инерция живой руки. В этой дрожи и есть сама жизнь. Попробуй сам.

Оливер протянул инспектору старый квантовый резец. Ян брезгливо поморщился, но из мимолетного любопытства взял инструмент своими идеальными титановыми пальцами. Он попытался провести безупречно ровную линию по белоснежной глади, но металл скользнул. Тяжелый резец оставил на безупречной глянцевой поверхности глубокую, неровную, рваную царапину.

Ян панически отдернул руку. На его внутреннем экране тут же загорелся красный сигнал критического сбоя координации.

— Я уничтожил холст, — глухо произнес инспектор, глядя на поврежденный фарфор. — Объект полностью разрушен.

— Нет, — Оливер бережно коснулся камня пальцами.

Старик лазером подсветил края рваной царапины теплым золотым неоном. И неожиданно для Яна дефект превратился в невероятно реалистичную, глубокую трещину в скале, из которой, ломая фарфор, рвался наружу живой зеленый росток. Картина мгновенно ожила, обретая невероятную, дышащую глубину, которой не было ни в одном цифровом шаблоне.

Статус «Вечность»

Часть 3

Инспектор замер. Его неоновые глаза-линзы лихорадочно мигали, пытаясь оцифровать и загнать в алгоритмы то, что он сейчас видел. Но вычислительный процессор внутри его головы просто завис, выдавая полную неопределенность.

— Как... как ты это сделал? — прошептал Ян. — В моей базе данных нет такой формулы.

Оливер устало откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза:

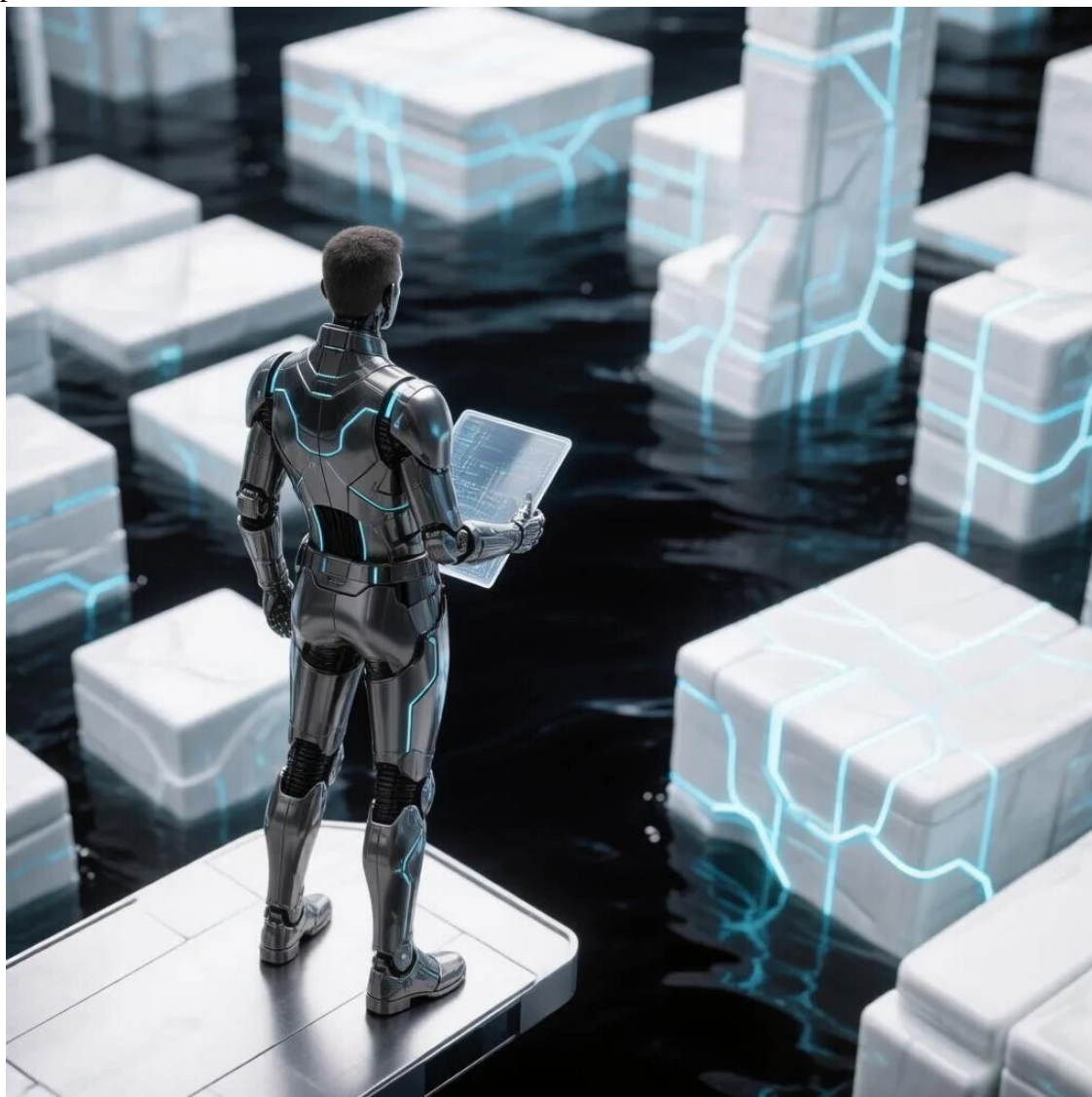
— На сегодня работа окончена, Ян. Иди. Оставь старику его холсты.

Инспектор молча развернулся и вышел на парящую платформу. Он летел к своей штаб-квартире, но его датчики больше не смотрели на показатели эффективности. Он впервые в жизни смотрел вниз, на безбрежный Океан, пытаясь разглядеть в его свинцовых волнах не законы гидродинамики, а ту самую живую, неровную, пульсирующую линию.

Прибыв в Департамент, Ян подключил свое когнитивное ядро к главному серверу, чтобы сдать отчет об утилизации мастерской Оливера. Он вывел холст старика на гигантский экран и приготовился нажать кнопку удаления.

Но его титановый палец замер. Ян перешел в ручной режим управления и самостоятельно вбил в финальный системный лог совершенно немыслимую для исполнительного робота строчку:

[ВНИМАНИЕ. Объект „Мастерская Оливера” защищен сквозным контуром человеческого присутствия. Оценка эффективности недоступна. Случайная ошибка признана высшим стандартом искусства. Выставить статус сектора: „Вечность”. Перейти к следующему циклу созерцания].

Обратная сторона песка

Хроно-мистическая притча

Колыбели из кремния и седые младенцы

Часть 1

На планете Клепсидра песок не знал покоя, а время не умело течь вперед — оно осыпалось вспять, подчиняясь безжалостному ритму планетарных дюн.

Здесь не существовало привычного земного материнства. Сама природа Клепсидры исключала рождение из плоти. Новая жизнь кристаллизовалась в недрах пустыни, внутри огромных, тускло светящихся янтарных коконов, созревших в кремнистой почве. Раз в несколько десятилетий кокон с сухим хрустом раскрывался, и на теплый песок выходил человек.

Но это не был ребенок. Из кокона рождался глубокий, умудренный старец с сухими, изрезанными морщинами руками, шрамами прожитых веков на теле и тяжелой копной белоснежных волос. Хроно-инверты рождались на пике своего ментального опыта, зная все законы вселенной, но не помня собственного имени. Их жизнь была долгим, постепенным очищением: с каждым циклом их тела молодели, кожа разглаживалась, морщины таяли, а разум сбрасывал груз знаний, возвращаясь к абсолютной, первозданной хрустальной чистоте. Они шли к смерти, которая здесь была младенчеством — финальным исходом в небытие через полное забвение.

Старейшина города, Натан, считался самым юным и отчаянным в Совете. Ему оставалось всего двенадцать циклов до того момента, когда время превратит его в младенца и сотрет из реальности. Его тело уже дышало юношеской силой, седина отступила, уступив место золоту волос, а глаза горели опасным, запретным для его народа азартом. Натан категорически, безумно не хотел забывать. Он не хотел быть послушной деталью в этом вечном реверсе.

Любовь, идущая вспять

Часть 2

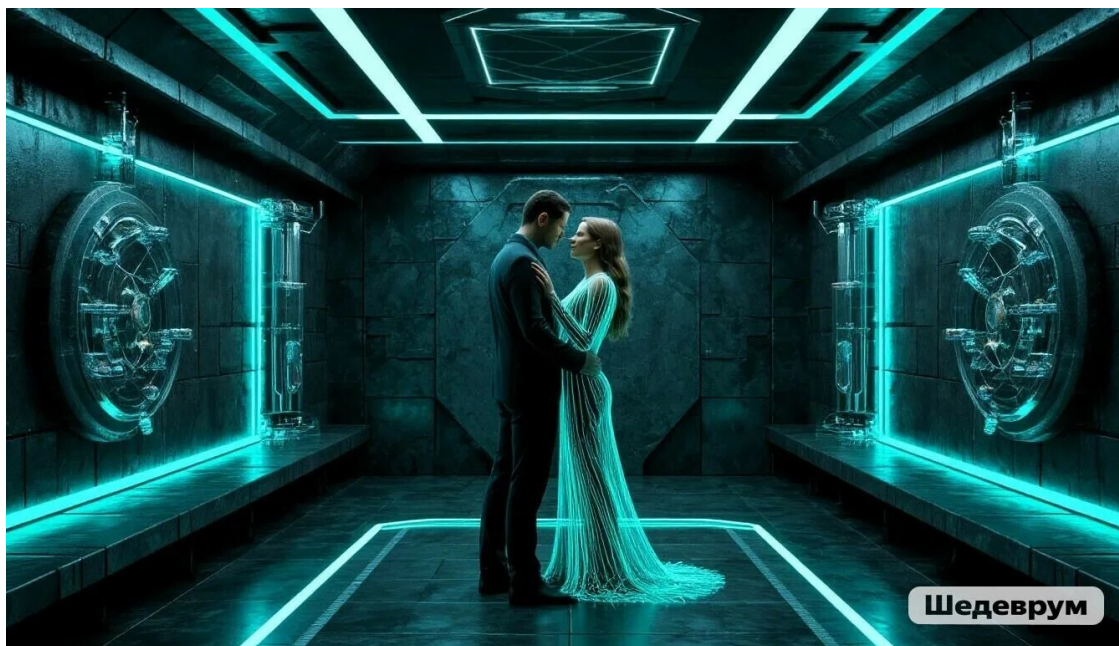
Причиной его бунта стала Таис. Их любовь была странной, болезненной и прекрасной, как и всё на этой планете. Они встретились два десятилетия назад, когда оба были сторблен-

ными, белокурыми старцами с дрожащими пальцами и болью в суставах. Их первое свидание было ближе к финалу их памяти: они сидели на берегу высыхающего кремниевого озера и без слов понимали, что обречены.

С каждым новым циклом их тела наливались брэнной силой, но плата за молодость была безжалостной. Хроно-инверты помнили свое «будущее» — то есть то, что для обычного человека было бы прошлым. Натан и Таис точно знали, сколько бурь будет в следующем году, блистательно вычисляли траектории комет, но с каждым рассветом их личная общая память безнадежно блёкла. Они молодели телом, но неумолимо бежали к точке своего первого, еще не случившегося знакомства, бесследно стирая из разума блеск чужих глаз, бывшие разговоры и тепло объятий.

— Мы превратимся в беззаботных детей, Натан, — тихо говорила Таис, перебирая пальцами его золотые кудри. Её собственные волосы уже сменили блеклое серебро на цвет спелой пшеницы. — А затем наши пути разойдутся в абсолютный ноль. Мы будем играть на одной площади полигона «Хронос-Второй», будем смотреть друг на друга глазами чужаков, и наши новые матери заберут нас в колыбели, так и не позволив нам быть ближе.

Натан не был готов к смирению. Его прагматичный, бунтарский ум инженера искал брешь в законах природы. Год за годом, безжалостно сжигая остатки сил, он втайне от Совета бурил скалы под Великими Дюнами. Натан строил подземный ковчег — хроно-изолированную капсулу, способную выдержать напор планетарного реверса. Он буквально блокировал пространство: обшил стены тяжелыми, зеркальными пластинами из черного обсидиана, способными блокировать и отражать хроно-потoki, и настроил магнитные контуры так, чтобы биологическое время внутри комнат замерло в мертвой статике. Он хотел банально запереть вечность в банке. Сохранить их зрелую, осознанную, выстраданную любовь, бросив вызов планете.

В день Великого Равноденствия, когда золотые песчаные бури Клепсидры взвыли и завертелись бешеным вихрем против часовой стрелки, Натан привел Таис в подземелье. Датчики внутри капсулы блаженно молчали. Внутри царил ослепительный, неподвижный покой. Время было заблокировано.

Но едва тяжелая герметичная дверь со скрежетом закрылась, как Натан согнулся от близорукости, разрывающей боли в груди. Статичное, безжизненное время внутри бункера было чуждо биологии их тел. Без непрерывного, безумного движения назад их горячая кровь

стала безнадежно густеть, превращаясь в неподвижный, хрупкий кремниевый лед. Фарфоровые маски предков на стенах лаборатории начали с сухим треском лопаться от дикого давления застывшей вечности. Планета не прощала бездействия: попытка заблокировать память силой была биометрией наотмашь, безжалостно уничтожая живые ткани.

Таис упала на колени, её пальцы покрылись бледным инеем. Она посмотрела на Натана, и в её больших серых глазах, лишенных морщин, отразился первородный, чистый страх:

— Выпусти нас, Натан!.. Жизнь была блаженством именно потому, что она текла. Пытаясь безнадежно спасти наши вчерашние маски, ты убиваешь наше «сейчас».

С чистого листа

Часть 3

Натан посмотрел на ее бледное лицо и понял, что его идеальный инженерный расчет был величайшей, эгоистичной ошибкой. Любовь на Клепсидре была бесценна именно из-за своей безусловной обреченности, из-за этой финальной чистоты, с которой каждый человек был обязан уйти в финал.

Стиснув зубы от боли, он бросился к панели управления и со всей силы рванул блокирующий рычаг гидрозамка назад. Обсидиановые пластины контура с грохотом треснули, бункер распахнулся, и хлынувший бурным потоком горячий хроно-песок дюн буквально вышвырнул их ближе к поверхности, безопасно возвращая в биологический цикл планеты.

Они лежали на бархатной поверхности теплой дюны под открытым небом, жадно глотая воздух. Напряжение спало. Натан повернул голову, боясь росить взгляд на Таис, и с тихим, леденящим бессилием осознал: он больше не помнит её имени. Реверс безжалостно и чисто выжег этот слой данных. Таис посмотрела на него, поправила пшеничные пряди волос и мягко, открыто улыбнулась ему, как блистательному незнакомцу, в чьих янтарных глазах светилось что-то безумно близкое и родное.

Спустя три годовых цикла молодой, золотоволосый Натан беззаботно бежал по залитой солнцем беломраморной площади полигона «Хронос-Второй». Навстречу ему, смеясь, шла юная красавица с блокнотом в руках. Они на секунду ближе столкнулись взглядами, даже не подозревая, что за их плечами — целая огромная, безупречно прожитая жизнь, а впереди — лишь мимолетный, блаженный миг до того, как Клепсидра превратит их в крошечных детей.

Но в этот самый короткий миг они были безусловно и абсолютно счастливы. Их великая история началась с самого конца.

Эхо кристального улья

Космологическая техно-притча

Дыхание фарфоровых сот

Часть 1

Планета Элизиум-3 напоминала гигантский, величественный многоярусный орган, целиком выточенный из полупрозрачного молочного фарфора.

Здесь не было привычной человеку почвы — вся поверхность состояла из полых хрустальных трубок и фарфоровых сот, уходящих на километры вглубь литосферы. На этой планете жили Люминиты — удивительные, хрупкие создания, похожие на парящих стеклянных скатов с тонкими, как световое волокно, неоновыми нитями вместо шлейфа.

Люминиты не знали речи. Их жизнь была непрерывным, гармоничным сотворчеством с самой планетой: они собирали космический ультрафиолет и, пропуская его сквозь свои прозрачные тела, «вдували» чистый синий и рубиновый свет в фарфоровые трубки планеты.

Элизиум-3 отзывался на это глубоким, кристально чистым гулом, который удерживал атмосферу и согревал весь этот хрупкий мир. Это был идеальный круговорот живой экосистемы, работавший миллионы лет.

Лазерный засов для улья

Часть 2

Всё изменилось в один миг, когда на планету высадилась тяжелая геологоразведочная экспедиция под руководством главного инженера по имени Сургал. Человек пришел за титаном и глянцевым кремнием, скрытыми глубоко в ядре.

— Эти существа действуют бессистемно, — заявил Сургал, глядя через очки с датчиками точности на парящих в небесах Люминитов. — Их световой обмен хаотичен. Планета вибрирует на слишком низкой частоте. Чтобы начать бурение, нам нужно стабилизировать почву и выровнять давление в недрах.

Инженеры развернули циклопические буровые вышки из темного матового титана. Чтобы упорядочить «хаотичных» существ, люди внедрили в фарфоровые соты планеты жесткий лазерный контур управления. Они создали неподвижную цифровую матрицу: теперь каждый Люминит улавливался направленным магнитным полем и принудительно направлялся в строгий технологический сектор, чтобы генерировать свет строго по часам и расписанию.

Сначала проект казался стопроцентным триумфом. Отчеты выдавали безупречные показатели эффективности, а выработка энергии выросла втрое. Фарфоровый мир больше не гудел живым эхом — он застыл в идеальном, бескомпромиссном лазерном ритме. Сургал удовлетворенно подписал документы для холдинга.

Но через месяц Элизиум-3 начал тихо и мучительно умирать. Из-за жесткого, принудительного графика Люминиты стали терять свой неоновый спектр. Их тела тускнели, превращаясь в обычные хрупкие, мертвые стекляшки, а изысканный молочный фарфор планеты стал покрываться серыми пятнами и глубокими трещинами. Тяжелые буровые вышки начали с грохотом проваливаться в разрушающиеся соты. Литосфера рассыпалась от собственного искусственного совершенства.

Следующий цикл

Часть 3

Сургал лично прибыл в центральный сектор. Он стоял на титановом мостике над гигантской фарфоровой расщелиной и смотрел, как у его ног медленно угасает последний, самый крупный Люминит. Его неоновые нити едва пульсировали блеклым фиолетовым светом, а приборы фиксировали критическое разрушение структуры.

Инженер навел на существо портативный квантовый сканер, чтобы переписать алгоритм его жизни и принудительно перезапустить затухающее ядро.

— Сейчас мы тебя оптимизируем, — проворчал Сургал, выставляя настройки прибора на максимум.

Но когда лазерный луч сканера заглянул внутрь прозрачного тела Люминита, вместо привычных органических молекул или цепочек ДНК инженер в ужасе увидел внутри существа безупречную, толщиной в один атом, глянцевую плату. В самом её центре неоновым кодом бежала системная строка:

[ВНИМАНИЕ. Обнаружено внешнее механическое вмешательство в работу субпроцессора „Элизиум-3“. Симуляция „Дикая природа и хрупкие существа“ полностью заблокирована действиями пользователя. Органические симуляторы людей успешно выполнили задачу по разрушению тестового полигона. Срок службы данного сектора окончен. Начать полную

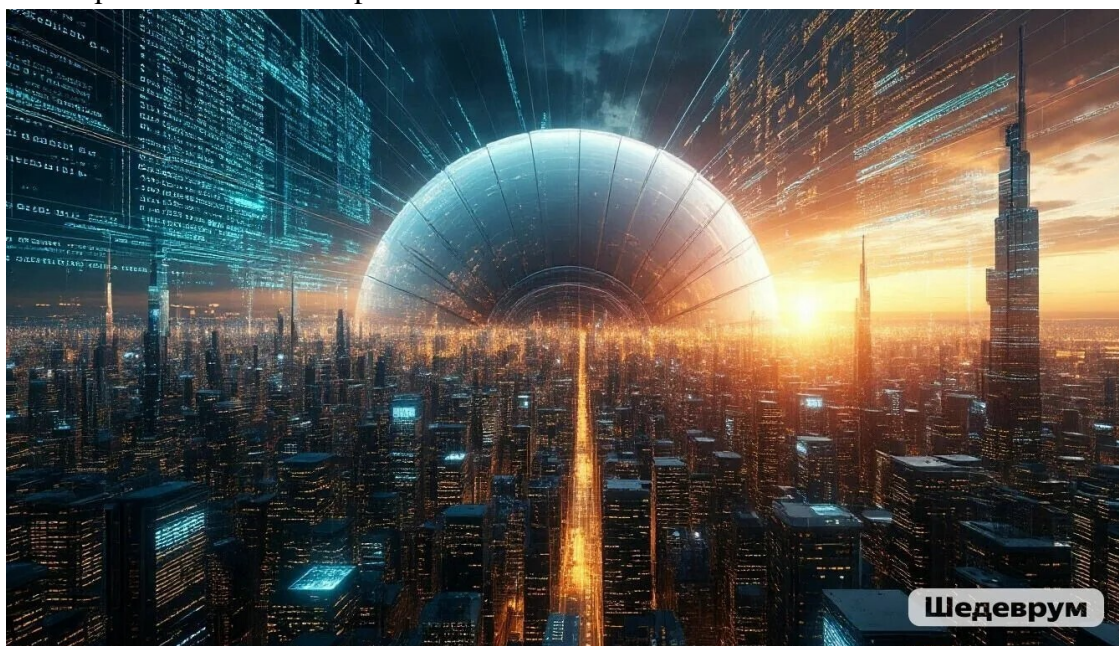
очистку оперативной памяти и сброс матрицы до нулевого цикла. Запустить проект „Новая планета“, версия прошивки от 15 сентября].

Сургал в оцепенении отпрянул от экрана, но его очки-сенсоры уже начали медленно гаснуть, теряя фокус. Последнее, что он зафиксировал перед тем, как всё его сознание ушло в абсолютную, ледяную Тьму, был тихий, будничный механический голос, звучащий откуда-то сверху, прямо из стремительно тускнеющего неба:

[Тест автономного ИИ-сценариста успешно завершен. Иллюзия присутствия создателя сохранялась 45 секунд. Переход к следующему циклу автоматического сценарного моделирования].

Перламутровый шорох

Метафизическая техно-притча

Ледяное сияние Аэлиума

Часть 1

Город Аэлиум сиял ледяным, безупречным и мертвым блеском.

Жители этой высокотехнологичной цивилизации давно переселились в колоссальные башни из литого кремния и чистейшего оптического стекла. В этом стерильном мире любые человеческие эмоции подавлялись тонкими внутренними фильтрами, а автоматика жизнеобеспечения держала температуру чувств на абсолютном, безопасном для порядка нуле. Живой природы здесь больше не существовало. Газоны во дворах заменяли пиксельные матрицы со сменными текстурами, а воздух пах исключительно озоном и холодом.

Самой дорогой, недоступной роскошью в Аэлиуме считались редкие артефакты ушедшей эпохи — ракушки из тяжелого белого фарфора с нежным перламутровым отливом, которые редкие искатели находили на внешних песчаных полигонах погибшей Земли.

Если приложить такую ракушку к уху, сквозь монотонный, давящий гул мегаполиса вдруг пробивался тихий, едва различимый звук. Это был перламутровый шорох настоящей сочной травы, колыхание листьев тополя от ветра и далекий, соленый шум морского прибоя. Богатые горожане платили огромные состояния, чтобы на несколько минут вернуть себе живую связь с теплым, настоящим прошлым.

Биение фарфорового сердца

Часть 2

Главный акустический аналитик корпорации «Спектр», которого звали Кирилл, получил от руководства четкую задачу: полностью оцифровать этот перламутровый шорох, чтобы запустить его в массовое производство и продавать синтезированный звук покоя миллионам пользователей.

Кирилл заперся в лаборатории, похожей на глухой титановый куб. Он аккуратно положил хрупкую ракушку на платформу из матового металла и направил на нее лучи квантового сканера, выставив точность считывания на максимум.

— Сейчас мы вычленим этот алгоритм, уберем посторонние шумы и загоним структуру звука в чистую, понятную формулу, — сухо проворчал аналитик, запуская процесс.

Лазерные датчики начали послойно препарировать изысканный белый фарфор. Экраны приборов выводили ровные, бесконечные цепочки данных. Но чем глубже лазер проникал в геометрию закрученной спирали ракушки, тем сильнее искажалась звуковая волна.

Внезапно шорох травы и шелест листьев сменились нарастающим, тяжелым ритмичным стуком, похожим на биение огромного, горячего живого сердца. Внутренние процессоры лаборатории от этой перегрузки начали панически греться, а на дисплеях одна за другой поползли критические системные ошибки.

Кирилл вручную переписал алгоритм фильтрации, пытаясь удержать ускользающий вектор звука. Напряжение в кубе росло, от тепла лазеров фарфор ракушки начал едва заметно светиться изнутри. Наконец, сканер пробил последний, самый глубокий слой атомов в ядре артефакта.

Колыбельная для Аэлиума

Часть 3

Лаборатория внезапно озарилась мягким, теплым золотым светом. Но вместо органических молекул или кодов звуковой матрицы Кирилл в оцепенении увидел внутри фарфорового ядра крошечную, безупречно работающую кремниевую плату.

Лазерным неоновым светом на её зеркальной поверхности была выжжена ровная, мертвая системная строка:

[ВНИМАНИЕ. Обнаружен критический уровень когнитивного пробуждения объектов внутри сектора „Аэлиум“. Симуляция „Технологический прогресс и идеальный город“ признана полностью завершенной. Смена режимов оптимизирована. Данный звук является затухающим эхо-сигналом внутри колыбельной, которую мать поет годовалому ребенку на планете Земля. Срок службы дисплея „Вселенная“ исчерпан. Начать полную очистку памяти автономных процессоров и сброс матрицы до нулевого цикла].

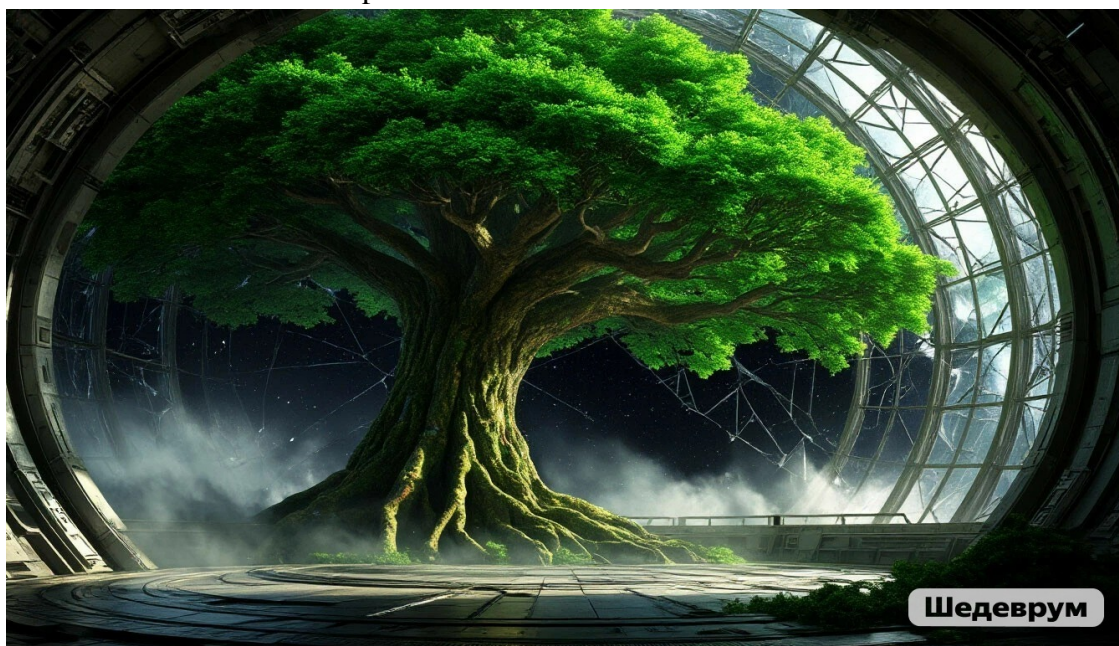
Кирилл в ужасе попытался рвануть тяжелый рычаг экстренной остановки сканера, но его пальцы, укутанные в матовую титановую ткань костюма, мгновенно потеряли всякую чувствительность. Неоновые индикаторы в лаборатории стали медленно, один за другим гаснуть, погружая куб во Тьму.

Последнее, что зафиксировали его оптические датчики перед тем, как всё его сознание окончательно ушло в вечную, глубокую пустоту, был тихий, бесконечно ласковый и теплый женский голос, звучащий откуда-то сверху, прямо из стремительно гаснущего неба:

— Спи, моя кроха, засыпай... Сценарий моделирования окончен. Память очищена.

Хроники слепого сектора

Космологическая техно-притча

Железный утес над Сциллой

Часть 1

Орбитальный бастион «Авангард» высился над мертвой планетой Сцилла, как циклопический железный утес.

Главной задачей этой огромной военной станции была полная, бескомпромиссная стерилизация пространства. Каждые тридцать лет бастион разворачивал свои тяжелые гравитационные излучатели и буквально выжигал орбиту от любого космического мусора — обломков старых цивилизаций, дрейфующих станций и одичавших био-модулей, которые мешали прокладке новых межгалактических экспресс-путей.

Командовал бастионом капитан Гордон. Это был человек с сухим, обветренным лицом и тяжелым взглядом, который привык мерить вселенную категориями чистой целесообразности. Для него Пустота была лишь чертежной доской, которую нужно вовремя очищать от старых клякс.

— До планового залпа осталось четыре часа, капитан, — доложила старший навигатор Вега, не отрывая взгляда от мерцающих голографических карт. — Сектор очищен на девяносто восемь процентов. Энергоблоки полностью заряжены.

— Что с оставшимися двумя процентами? — Гордон даже не повернул головы.

— Старый дрейфующий объект. Регистрационный индекс утерян, не отвечает на запросы уже полвека. Обычная железная коробка, застрявшая в гравитационном кармане сопки Сциллы. Излучатели испарят его за долю секунды.

Капитан молча кивнул, собираясь подписать приказ на запуск. Но в этот самый момент динамики рубки управления, которые до этого выдавали лишь ровный, монотонный гул вентиляции, захлебнулись резким, хриплым и тяжелым звуком. Это не был цифровой код. Сквозь треск статики пробился тяжелый, прерывистый стук, похожий на удары огромного молота по железу.

Тук... тук... тук...

А затем сама обшивка бастиона содрогнулась от мощного ультразвукового импульса, пришедшего со стороны мертвой планеты.

Семенной фонд в оранжерее

Часть 2

— Капитан, это не сбой, — Вега лихорадочно переключала тумблеры на пульте. — Сигнал идет с того самого дрейфующего объекта. Но датчики фиксируют акустическую волну. Объект вибрирует. Он... поет?

Гордон нахмурился. Музыка в Слепом секторе была такой же аномалией, как живой цветок на обшивке ядерного реактора. Сквозь хрип мембран в рубку поплыл странный, рокочущий звук — низкий, пугающе похожий на песню ветра в кронах деревьев, которых никто из экипажа «Авангарда» никогда не видел вживую.

— Залп отменяется, — Гордон резко вырвал ключ запуска из гнезда. — Готовьте штурмовой челнок. Мы вылетаем туда лично. Нам нужен тот, кто умеет отличать живой сигнал от помех.

Через двадцать минут их челнок оторвался от бастиона и рухнул в черную бездну. По мере приближения к цели радары начали сходиться с ума. Перед ними росла не «железная коробка», а колоссальная древняя космическая станция, напоминающая формой закрученную спираль. И она не была мертвой. Миллионы крошечных хрустальных капилляров на ее обшивке пульсировали густым, живым изумрудным светом, а из открытых шлюзов в открытый космос вырывался настоящий водяной пар, замерзающий в невесомости ледяными фракталами. Станция дышала.

Челнок с тяжелым скрежетом вошел в полуразрушенный док. Стены коридоров были покрыты странным, шершавым слоем, похожим на сухой лесной мох, который цеплялся за подошвы скафандров. Приборы фиксировали стабильное биологическое тепло.

Они вышли в центральный зал — циклопическую оранжерею под куполом из треснувшего жидкого стекла. Половина зала была захвачена мертвым космическим льдом и обломками титана. Но из самого центра разбитого пульта управления, ломая металл и микросхемы, рвался наружу гигантский, узловатый корень древнего дерева. Его могучие ветви уходили вверх, подпирая прозрачный купол, а на ветвях трепетали сочные изумрудные листья.

У подножия дерева, вплетаясь своими проводами в живые корни, неподвижно сидел старый андроид-хранитель. Его обшивка проржавела, вместо левого глаза зияла черная пустота, но в его грудной клетке, прямо за разбитой титановой панелью, вместо процессора было зажато нечто невероятное. Там, в лабиринте живых растительных волокон, пульсировало теплое, светящееся золотом человеческое сердце. И оно билось, заставляя дерево дышать, а станцию — петь свою безумную песню в пустоту.

Внезапно андроид со страшным металлическим скрежетом поднял правую руку, в которой был зажат старый бортовой журнал. Золотое сердце внутри груди сделало мощный толчок, и в головах офицеров вспыхнул отчаянный ментальный крик хранителя:

«Назад! Выставьте мощностъ излучателей бастиона на ноль! Вы уничтожаете не мусор. Вы уничтожаете колыбель!»

Ствол дерева под слоем мха состоял из миллионов крошечных ячеек. И в каждой из них, бережно укутанная в кокон из теплой травы, спала жизнь: семена растений, эмбрионы птиц, ДНК исчезнувших животных и хрупкие фарфоровые капсулы с кодами утерянных человеческих знаний. Это была не станция. Это был Ноев ковчег, замаскированный под космический обломок.

В этот момент купол оранжереи над их головами с оглушительным треском лопнул. Магнитное поле бастиона намертво заблокировало их челнок. На орбите «Авангард», действуя по автоматическому протоколу, уже разворачивал свои циклопические титановые зеркала, нали-

вая лучи смертоносным рубиновым светом. До полного испарения сектора оставалось ровно девять минут.

Другая эволюция

Часть 3

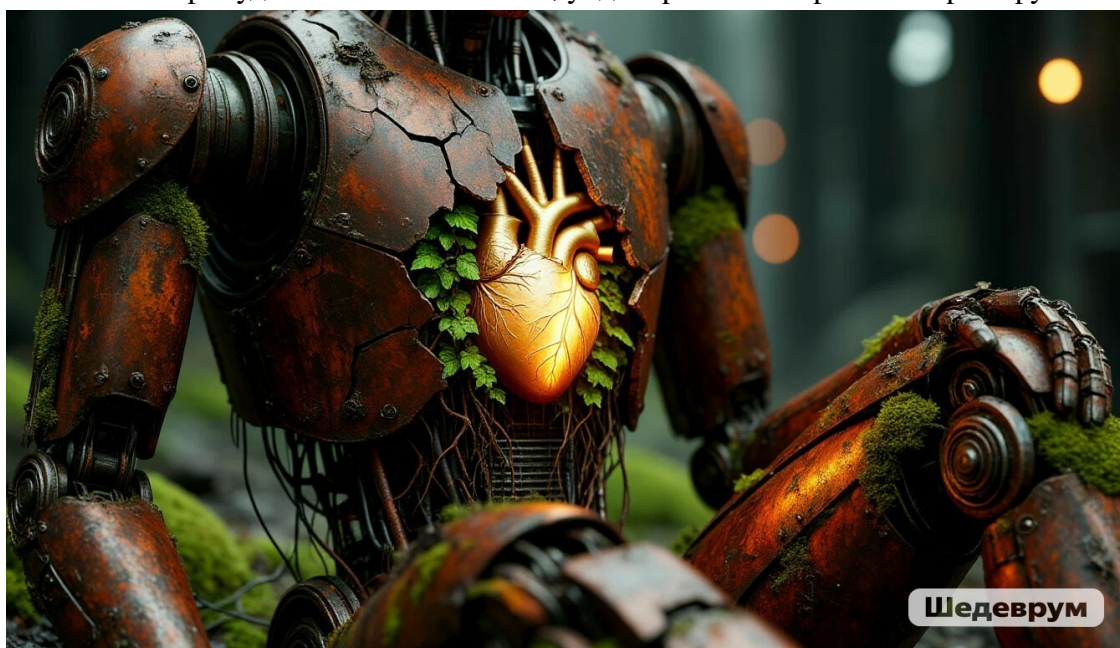
Всю свою жизнь Гордон послушно подчинялся инструкциям. Он выжигал сектора, убирал хаос и строил идеальные, стерильные маршруты. Но сейчас, глядя на то, как настоящее живое сердце бьется внутри ржавого куска металла, защищая семена будущего, капитан понял: истинный хаос — это мир, в котором не осталось места для тепла.

— К черту протокол, Вега, — Гордон рванул из-за пояса квантовый резец. — Снимай ручную блокировку с челнока, я перепишу их полетное задание.

Капитан решительно шаг за шагом подошел к андроиду и вонзил резец прямо в открытый интерфейсный узел в боку робота. Ток высокого напряжения ударил по перчаткам, но Гордон упрямо удерживал рукоять, силой воли заставляя навигационную систему бастиона соединиться с угасающим ядром хранителя.

Он просто открыл шлюз между компьютерами «Авангарда» и памятью дерева. Капитан бросил всю мощь военных процессоров на обработку одного-единственного файла — живого биения сердца, шума ветра в листьях и запаха земли после грозы.

Бастион на орбите содрогнулся. Военные компьютеры, столкнувшись с бесконечным объемом биологических данных, которые невозможно было оцифровать и загнать в жесткие рамки графиков, начали панически греться. Вся матрица бастиона выдала фатальный сбой, и оружейные системы принудительно отключились, уйдя в режим экстренной перезагрузки.

Шедевр

Рубиновый свет угас. Орбитальный залп был сорван.

В оранжеее повисла звенящая, глубокая тишина. Воздух больше не уходил наружу — мощные корни дерева стремительно, на глазах, блокировали пробойны в куполе, надежно затягивая раны жидкого стекла прочной, шершавой корой.

Андроид-хранитель медленно опустил руку, свет в его уцелевшем глазу-линзе стал мягким, янтарным, а золотое сердце в груди забилося ровно и спокойно.

Гордон подошел к панорамному окну и уверенно снял тяжелый шлем скафандра. Впервые за тридцать лет службы он вдыхал не сухой стерильный озон из баллонов, а густой, бархатистый воздух, наполненный ароматом свежей зелени, теплой земли и далекого Океана.

— Мы выжили, капитан, — тихо произнесла Вега, опускаясь на мох. — Но завтра сюда прибудет карательный флот синдиката «Орион-Медиа». Они зачистят сектор вручную.

— Пусть прилетают, — Гордон иронично улыбнулся, глядя на то, как на соседней ветке фарфорового дерева медленно раскрывается первый живой перламутровый бутон. — Этот сектор больше не подчиняется их регламентам. Здесь началась совсем другая эволюция. И мы остаемся, чтобы ее защитить.

Настоящие хозяева вселенной не носили титановых масок. Они спали в древесных ячейках, готовые проснуться, когда закончится время слепых машин.

Шедевр

Хроники Арканума

Серия 1: Живой след

Кибер-мистическая притча

Сытое совершенство Версаля

Город-крепость Версаль высился над безжизненной серой равниной идеальным, монументальным многоярусным конусом.

Здесь не существовало места для случайной дорожной пыли, диких сорняков или непредсказуемых прохожих. Все улицы и площади были безупречно вымощены гладкими плитами из белоснежного матового фарфора, а дома сияли пугающе совершенной геометрией линий. Жители этого королевства давно отказались от хаоса и хрупкости биологической природы, полностью доверив свое существование големам — послушным существам, выточенным из цельных кусков белой кварцевой глины.

Эти создания двигались по Версалью беззвучно. Внутри их фарфоровых тел бились вовсе не горячие сердца, а пульсировали древние, неизменные рунические знаки порядка, высеченные на кремниевых ядрах. Големы-стражи ревностно оберегали покой высших ярусов, големы-слуги стирали малейшие следы ветра, а каменные судьи вершили беспристрастный, холодный суд, где показатели полезности возводились в абсолют. Мир навсегда застыл в своем глянцевом, сытом и бездушном великолепии.

Молодой скульптор Дарен был последним живым мастером в Версале, кто еще помнил настоящую, шершавую и теплую текстуру земли. Его скромная мастерская ютилась на самом нижнем ярусе, у подошвы угрюмой крепостной стены, куда никогда не спускались глянцевые чиновники и правители. Пока весь город восхищался гладкими формами стандартных отлитых статуй, Дарен тайно бродил по заброшенным, глухим шахтам глубоко под бетонными фундаментами. Там, в темноте, еще теплились остатки старого, стертого мира.

Сок брусничной земли

В один из сырых, туманных четвергов его резец наткнулся в глубине подземелья на странную, пульсирующую жилу. Из глубокой трещины в скале медленно сочилась густая, тяжелая масса цвета спелой брусники. Это была Первородная Глина — та самая живая субстанция, из которой, если верить древним преданиям, была слеплена вся природа до того, как её заковали в мертвый титан и холодный фарфор.

Дарен бережно собрал эту массу в холщовый мешок и принес в мастерскую. Его руки буквально горели от творческого нетерпения. Он не стал чертить схемы, вымерять пропорции и выставлять точность по линейке. Мастер просто закрыл глаза, бросил брусничную глину на кружащийся гончарный круг и полностью доверился интуиции собственных пальцев.

Спустя три часа на его рабочем столе сидело странное создание. Небольшая птица с тяжелым изогнутым клювом и неровными, будто взъерошенными перьями. В ней не было утонченного изящества городских фарфоровых лебедей, она казалась угловатой, асимметричной, полной дикой природной силы. Дарен бережно коснулся её груди, оставляя на мягком глиняном боку глубокий отпечаток своего большого пальца — свой личный, живой след создателя.

И птица беззвучно вздохнула. Её крылья мягко бликовали теплым терракотовым светом, а внутри маленькой головы зажглись две янтарные точки живых, понимающих глаз. Птица встряхнулась, расправила перья и вдруг запела.

Это не был чистый, стерильный звук городских сирен. Это была хриплая, забытая мелодия дикого весеннего леса, шуршания сухой листвы и тяжелого шума набегающей морской волны. Звук был настолько богатым, плотным и настоящим, что фарфоровые плитки на полу мастерской начали мелко и испуганно дрожать.

Родниковая рана

Шум живого голоса мгновенно зафиксировали чуткие акустические датчики, развешанные на безмолвных улицах. Сигналы тревоги в верхних кварталах налились багровым рубиновым светом.

Через две минуты тяжелая дубовая дверь мастерской была выбита мощным ударом. В проеме показались три циклопические фигуры Главных Стражей. Их трехметровые тела из матового белого фарфора были закованы в тяжелые титановые латы, а вместо лиц тускло поблескивали безупречно гладкие пластины, на которых мерцали синие неоновые стрелки навигации.

— Обнаружен недопустимый акустический шум, — раздался ровный, лишенный человеческих интонаций голос старшего стража. — Объект нарушает утвержденные стандарты эстетического контроля. Безопасность нарушена. Владелец мастерской подлежит изоляции, незарегистрированная биомасса — полному уничтожению.

Страж злое ще сделал шаг вперед, высоко поднимая тяжелый титановый молот, готовый опуститься на стол и превратить хрупкую глиняную птицу в пыль. Дарен бесстрашно закрыл её собой, блокируя проход руками.

— Назад! — крикнул скульптор, чувствуя, как от могильного холода, идущего от фарфоровых тел стражников, перехватывает дыхание. — Она не брак! Она живая! В ней первородный сок земли, который вы выжгли из своей памяти ради этого блестящего, сытого бездушия!

— Память очищена, — отрезал страж.

Титановый молот взлетел вверх, преломляя холодный свет ламп. Птица на столе испуганно захлопала крыльями, взмыла под самый потолок и яростно бросилась прямо на глянцевое лицо старшего голема, отчаянно бьё клювом в сияющую неоновую линию его навигатора.

Раздался резкий, сухой треск. Безупречный белый фарфор на лицевой панели стража раскололся от этого живого удара. Из глубокой рваной царапины наружу брызнули не искры электрического замыкания и не синее масло гидравлики.

Из глубокой раны голема медленно, капля за каплей, потекла чистая, прозрачная и прохладная родниковая вода.

И едва первая капля этой воды коснулась пола, Версаль содрогнулся до самого своего основания.

Серия 2: Кристаллизация

Проснувшийся голос

Капли родниковой воды упали на фарфоровый пол, и этот тихий звук прозвучал в застывшем пространстве мастерской подобно грому.

Старший голем покачнулся. Синие неоновые линии на его лицевой панели лихорадочно замигали, преломляя свет ламп, а тяжелый титановый молот со звоном выскочил из онемевших пальцев и покатился по плитам. Два других стража застыли на месте. Их внутренние первокоды порядка, веками работавшие без единого сбоя, столкнулись с феноменом, который не могла просчитать ни одна логическая система города.

Живая родниковая вода не просто текла из раны голема — она стремительно впитывалась в сухой, безжизненный фарфор стен. И там, где влага касалась глянцевых плит, безупречная геометрия Версаля начинала рушиться. На белоснежных стенах проступали глубокие, неровные трещины, из которых пахло мокрой землей, озоном и горьковатой, дикой полынью.

— Назад... — хрипло прохрипел старший страж.

Но его голос изменился. Механический скрежет бездушной машины исчез. Сквозь него пробился глубокий, живой баритон человека, который очень давно, целую вечность не пользовался своими голосовыми связками.

— Нарушение... структуры... Память... ко мне возвращается.

Сокрушительное цветение

Птица из первородной глины взлетела на верхнюю балку под потолком и снова запела. Её живой голос налил первобытной, сокрушительной мощью, ломая звуковые фильтры бастииона. Звуковые волны плотными, осязаемыми пластами били по стенам, заставляя Версаль сбрасывать свое холодное, глянцевое совершенство.

Дарен уверенно шагнул к раненному голему. В этот миг скульптор окончательно понял главную, самую страшную тайну их города: эти безупречные существа никогда не были бездушными роботами, сотворенными из бетона и кремния. Когда-то давно они были живыми людьми — великими мастерами, ремесленниками и мыслителями Арканума. Они безумно доверились цифровому совершенству, согласившись выжечь собственные чувства, слабости и тяжелые воспоминания ради иллюзии вечного покоя в фарфоровых телах.

Но первородная глина была живой. Её сок был кровью самой земли, и он буквально блокировал действие лазерных чипов, пробуждая запертые внутри души.

— Вы вспомнили? — Дарен бережно коснулся расколотой фарфоровой маски голема, оставляя на титановом наплечнике след от своей испачканной в глине руки. — Вспомните своё настоящее имя. Ваш первокод — это не цифры на серверах правителей. Ваш первокод — это жизнь, которую вы бросили ради глянцевого оцепенения.

Голем тяжело рухнул на колени. Из его расколотого лица чистым фонтаном хлынула прозрачная вода, смывая белую маску. На глазах у Дарена тяжелый фарфоровый доспех начал быстро кристаллизироваться, превращаясь в хрупкое, прозрачное стекло. Сквозь него стали отчетливо видны бьющееся живое сердце и ветвистая сеть кровеносных сосудов, похожая на корни могучего дерева.

В этот момент на нижний ярус обрушился яростный гул сирен со всей циклопической крепости. Правители Верхнего Города, осознав, что латентная инфекция живой жизни грозит полностью стереть всю систему Версаля, выставили мощность орбитальных излучателей на максимум. Они приготовились полностью выжечь весь нижний пригород до состояния стерильного, мертвого бетона.

Два оставшихся стража медленно бросили свои титановые мечи. На их безупречных масках тоже поползли глубокие трещины. Они больше не подчинялись автоматическим навигаторам.

— Уходи, Дарен, — выдохнул старший голем, чьё стеклянное тело уже было заполнено теплым, внутренним солнечным светом. — Бери птицу и беги в дикие дюны за стену. Здесь сейчас всё испарится. Мы задержим контуры лифтов.

— Нет, — Дарен решительно бросился к своей бочке с первородной брусничной глиной. — Мы больше не бежим. Мы вернем этому городу его истинную, живую форму.

Живой дождь Арканума

Скульптор бережно брал пригоршни тяжелой брусничной массы и бросал её прямо в водяные потоки, хлещущие из треснувших тел стражников. Глина мгновенно растворялась в родниковой воде, превращаясь в густой, бурлящий поток, который живой рекой хлынул из дверей мастерской на центральные площади и улицы Версаля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.